ОТЧЕТЫ

ВТОРОМУ ОТДѢЛЕНІЮ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

О ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ ПУТЕШЕСТВІИ

ПО ЗАПАДНЫМЪ КРАЯМЪ РОССІИ,

Кандидата С. П. Микуцкаго.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1855.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ, 21-го Мая 1855 г.

Непремѣнный Секретарь *А. Миддендорфъ*.

Особые оттиски изъ IV-го тома Извѣстій II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

ОТЧЕТЪ 6-й.

Съ 10-го декабря истекшаго 1854 года я занимался обработкою матеріаловъ и соображеніями по сему предмету. Привожу здѣсь нѣсколько замѣчаній и выводовъ.

—

Боппъ, въ своей Сравнительной грамматикѣ (стр. 105), принимаетъ только двухъ родовъ корни, т. е. 1) *глагольные* (Verbalwurzeln), отъ коихъ образуются глаголы и имена (существительныя и прилагательныя), и 2) корни *мѣстоименные* (Pronominalwurzeln), отъ которыхъ происходятъ мѣстоименія, предлоги, союзы и частицы (Partikeln). Такое раздѣленіе корней принимаетъ и Шафарикъ (Часописъ Чешск. Музея, 1846 г., книжка V, стран. 562). По моему мнѣнію, нельзя допускать такого строгаго раздѣленія корней, ибо существуютъ (по крайней мѣрѣ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ) слова, которыхъ не возможно причислить ни къ глагольнымъ ни къ мѣстоименнымъ корнямъ. Такими словами я считаю междометія и слова *дѣтскія*. Правда, что слова эти немногочисленны и не имѣютъ большаго значенія въ общемъ составѣ языка; но все таки ихъ наберется болѣе, чѣмъ корней мѣстоименныхъ, слѣдовательно, нельзя ихъ оставлять безъ всякаго вниманія.— Междометія, эти остатки первоначальнаго, *чувственнаго* языка, выражаютъ различныя душевныя движенія, и заключаютъ въ себѣ, можно сказать, цѣлыя предложенія:

слѣдовательно, глаголъ, имя, мѣстоименіе, все это таится какъ бы въ зародышѣ, въ междометіи. — Теперь спрашивается, можно ли причислить къ корнямъ глагольнымъ или мѣстоименнымъ, слова *дѣтскія*, которыя обыкновенно возникаютъ изъ удвоенія удобопроизносимыхъ слоговъ. Приведу здѣсь нѣсколько дѣтскихъ словъ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны не всѣмъ Славянскимъ филологамъ. Къ дѣтскимъ словомъ можно причислить слово *баба* (Литов. baba, чаще boba), которое во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ получило различныя значенія. Бѣлорусск: *бўбу*, *бўба*—ягода, зерно, шарикъ. Нельзя сомнѣваться, что отъ этого слова образовалось общеупотребительное *бобъ*, уменьшит. *бобокъ* — бобовое зерно, лавровая ягода. Бобъ по Польски называется bób, а также buber, родит. bubru. Отъ этой второй формы (bubr) произошло слово *бубр-егъ* (почка въ животныхъ, какъ бы: большое бобовое зерно), которое до-сихъ поръ существуетъ въ языкѣ Сербскомъ. Польск. gaga (огонь), отсюда Польск: zgaga, Русск. изгага (изжога). Быть можетъ, съ Польскимъ словомъ gaga, родственно Русское зга, употребительное только въ выраженіи: зги не видать, т. е. ничего не видно, очень темно. Срав. областное (Донское) згра—искра. — Дядя. — Бѣлорусск. жиже, жижа (огонь). — Бѣлорусск. и Польск. зюзю, зюзя (холодъ, холодно). — Кака—пометъ, дермо, все непріятное, гадкое, отвратительное. Срав. Греч. κακός. — Коко (яйцо). — Польск. kuku—болитъ, боль, рана. Срав. скука, скучать, докука. Бѣлорусск: кука—кукишъ, шишъ. — Бѣлорусск. ляля, Польск. lala, Литов. lele — кукла, игрушка. Русское областное: ляля 1) игрушка (Вятск.), 2) грудное дитя (Тульск., Рязан.), 3) вялый, неповоротливый человѣкъ (Оренб.), Поляки словомъ lele, называютъ нѣженку, изнѣженнаго человѣка: отсюда глаголъ *лелѣять*. Междометіе *лю-лю*, употребляется при качаніи и усыпленіи младенцевъ; Польск. lulu, lula, lulać (спать); отсюда: люлька, люлюкать. — Мама. — Въ Польскомъ языкѣ кромѣ

формы mama, существуетъ также форма: nana, отсюда у Лужицкихъ Сербовъ образовалось слово nan (отецъ). — Няня, нянька, няньчить. — Бѣлорусс. папа, Пол. papa (хлѣбъ), Литовск. papas (титька). — Бѣлорусс. тата, Пол. tata, Русск тятя. — Русск. тётя, Бѣлорус. цёця, Польск. ciocia. — Бѣлорус. цаца, Польск. caca — что либо хорошее, хорошо, игрушка. Русск. областное чеча: 1) дѣтская игрушка вообще, и кукла въ особенности (Перм.), 2) всякая хорошо сдѣланная вещица; хорошо одѣтый человѣкъ (Иркут.), 3) баловень (Волог.). Отсюда: чеченя — щеголь, щеголиха (Перм.), чечениться: 1) одѣваться, наряжаться со щегольствомъ (Перм.), 2) церемониться, чваниться. — Польск. cycy, Бѣлорус. цыца (титька). — Бѣлорус. цюця, Польск. ciucia (собака).

Отъ корня или кореннаго слова образуются посредствомъ разныхъ приставокъ, слова производныя, напр. отъ корня *да*, да-ть, да-ю, да-лъ, да-тель, дача, и пр. Разсматривая корни и приставки, нельзя также выпускать изъ виду и того, какимъ образомъ изъ первоначальнаго кореннаго понятія, развиваются другія родственныя понятія. Такъ напр. отъ самаго обширнаго понятія: *двигать, двигаться*, болѣе тѣснаго: *итти, итти скоро, бѣжать, течь* — развивается понятіе: *расти, увеличиваться, поспѣвать*, а оттуда понятія: *растеніе, дерево, лѣсъ, роща, скоро растущее деревцо, скоро растущая трава, борода, ногти.* Объяснимъ это примѣрами. Мы говоримъ: *дерево идетъ* т. е. растетъ) *скоро, туго.* — По Санскритски pi, 1-е лице наст. pijâmi (итти); въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: въ Чешск. spěti (спѣшить), въ Русск. спѣть — приходить въ спѣлость, зрѣть. По Санскритски nakh — ire, se movere. По Латышски: nâkt — приходить, прибыть, являться. По Литовски nokti — дѣлаться спѣлымъ, созрѣвать, поспѣвать. — По Санскритски: sṛp — ire, serpere, gradi. Латинск. serpo. Литовск. sirpti — поспѣвать, созрѣвать (о ягодахъ, сливахъ, вишняхъ). — По Зендски: rudh — течь; расти;

couler; croître. Оттуда: raodha—la croissance, élévation, la taille, stature, l'exterieur. Русск. ростъ, рости, областное (Сарат.) рода́, руда́ (видъ, образъ). — По Санскритски dru 1-е лице наст. dravâmi — currere, fluere. Оттуда: Санскр. dru (arbor), Зендск. dru, Готск. triu, Др.-Нѣмецк. trëo родит. trëwes (arbor), Славянск. древо, дерево. Въ Санскритскомъ языкѣ отъ корня dru (currere), кромѣ формы dru (дерево), образовалось слово druma (дерево), отсюда Греческія: δρῦς — дубъ, вооб. всякое крѣпкое дерево; δρυμός—дубовый лѣсъ, вооб. лѣсъ. — Въ Русскомъ языкѣ отъ глагола бѣгать, бѣжать, происходитъ слово побѣгъ—молодая вѣточка на деревѣ.—Въ Польск. языкѣ отъ глагола pędzić — быстро бѣжать, скакать, происходитъ слово pąd или pęd — быстрое движеніе, теченіе, а также: побѣгъ, ростокъ, отпрыскъ. — Въ Латинскомъ языкѣ отъ глагола salire — прыгать, скакать, происходятъ слова: salix (ива) и saltus—скачокъ, прыжокъ; лѣсъ, лѣсомъ покрытая гора.—Отъ глагольнаго корня i (и-ти, итти) происходитъ слово ива — т. е. скоро растущая. — Славянскому слову скокъ, родственны слова: Исландск. skôgr (sylva), Латышск. kôks (дерево), Литовск. kôkas, kuokas — палка съ шишкою на концѣ. Отсюда слова: кочанъ, кочарыга. — Въ Литовскомъ языкѣ отъ глагола szokti (szakti), прыгать, скакать, плясать, происходитъ слово szakà—побѣгъ, вѣтвь, сукъ. Szake—орудіе изъ древесныхъ развилистыхъ сучьевъ на одной стрѣлкѣ; вилы. Отсюда Славянское: соха, разсоха. Срав. Санскр. ç̂âka (herba), ç̂âkhâ (ramus). — Въ Зендскомъ языкѣ отъ корня ç̂ru (ire), происходятъ слова ç̂ru: 1) corne, ongle, 2) sommet. Ç̂rava: 1) l'action d'aller, 2) ongle. Отъ сего же корня (ç̂ru) образовалось Литовское слово krumas (кустъ).— По Санскритски ç̂al (ç̂alâmi) ire, currere; отсюда произошли слѣдующія слова: Литовск. szolis (галопъ), Латышск. sôls (шагъ), Латинск. calamus (тростникъ), culmus (стебель); Нѣм. Halm, Латышск. salms (соломина), множ.

salmi (соломина); Слав. слама, солома (соб. скоро растущая). — Въ Санскритѣ отъ корня nakh (ire, se movere) происходитъ слово nakha (unguis), отсюда Литов. nagas, Слав. нокъть, ноготь (соб. растущее). — Отъ Санскритскаго корня vṛdh (расти) происходятъ слова: Латин. barba (вм. bardha), Нѣм. Bart, Славян. брада, борода.

Отъ понятія *двигаться*, *движеніе*, развились понятія: *время*, *миръ*, т. е. безпрерывное движеніе, теченіе. Въ подтвержденіе сего мнѣнія постараемся раскрыть происхожденіе словъ: 1) время, 2) часъ (которое въ языкахъ: Бѣлорусскомъ, Польскомъ и Чешскомъ значитъ вообще время), и 3) міръ.

Слово *время*, въ древнихъ рукописяхъ врѣмѧ, образовалось отъ глагола врѣти — кипѣть, кишѣть, копошиться, посредствомъ приставки мѧ, и значитъ собственно: кипѣніе, теченіе.

Въ Санскритскомъ языкѣ корень kaç или kas, 1-е лице наст. kaçâmi, kasâmi (ire). По Сербски касати — бѣжать, ѣхать рысью. По Чешски česati въ Бѣлорусск. чесаць — итти скоро, бѣжать. Слѣдовательно слово часъ значитъ собственно: бѣгъ, теченіе.

Въ древнихъ рукописяхъ слова міръ (mundus) и миръ (pax) пишутся безразлично миръ. Миклошичъ производитъ сколо миръ (mundus) отъ Санскритскаго mî (ire); значитъ, въ словѣ миръ, *ми* корень, *ръ* приставка. Дѣйствительно, приставка *ръ*, существуетъ въ Славянскомъ языкѣ, напр. въ словахъ: даръ отъ да-ть; пиръ отъ пи-ть; жиръ (пажить) отъ жи-ть; виръ (глубокое мѣсто въ рѣкахъ и озерахъ, гдѣ бываетъ водоворотъ) отъ ви-ться; слѣдовательно, отъ mî (итти) миръ — ходъ, теченіе. Отъ понятія *стройное движеніе (теченіе)* естественный переходъ къ понятію: *гармонія*, *согласіе*, *тишина* (т. е. отсутствіе раздоровъ). И такъ, слова: время, часъ, миръ (mundus; pax) значатъ собственно: *безпрерывное*, *стройное теченіе*.

Иногда буквы *н* (передъ губными *м*) и *р* замѣняютъ

другъ друга, напр. Литовск. anżôłas и arżôłas (въ Августов. Губер.) дубъ. Gensze и gersze цапля.— Bumbulis и burbulis пузырь на водѣ.—Латышск. pumpt, Литовск. purpti дуться, надуваться.—Литовск. żingti ступать, шагать, и żergti разводить ноги, корячиться. — Вертѣть и Нѣм. wenden, winden. — Простонародное: скупендяй и скупердяй (скупецъ, скряга). — Въ Санскритѣ tan̄g 1-е лице наст. tangâmi—ire, se movere; tremere, concuti; lapsare, vacillare. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: корни тѧг (тенг) и тръг значатъ собственно: приводить въ движеніе, двигать, рвать, тащить, волочить. Въ тожествѣ корней: tan̄g, тѧг (тенг) и тръг, не льзя сомнѣваться: значеніе сихъ корней въ сущности тожественно; различіе состоитъ только въ томъ, что Санскритскій глаголъ tan̄g средній или непреходящій, Славянскій же дѣйствительный или преходящій. Глаголы, образовавшіеся отъ корней тѧг и тръг въ разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, можно найти въ Корнесловѣ Русскаго языка г. Шимкевича, подъ словами *торгать* и *тягнуть*, и потому не стану ихъ приводить, но скажу нѣсколько словъ о существительныхъ тѧгъ и тръгъ. Оба сіи слова значатъ собственно: *движеніе*, дѣйствіе, трудъ, съ тою только разницею, что первое, т. е. тѧгъ (тег, безъ носоваго звука существующее до сихъ поръ въ Сербскомъ языкѣ) означаетъ работу, трудъ (преимущественно земледѣльца), отсюда глаголъ: тѧжати, тежати— работать, трудиться, пахать, обработывать землю; второе же, т. е. тръгъ, значитъ 1) *дѣйствіе*, занятіе (купца), промыселъ, состоящій въ покупкѣ и продажѣ товаровъ; 2) мѣсто, гдѣ торгуютъ; 3) время, въ которое торгуютъ; 4) вещи, которыми торгуютъ; товаръ (у Сербовъ). Можетъ сказать утвердительно, что слова *торгъ*, первоначальное, коренное значеніе: *дѣйствіе*, *занятіе*, а отъ этого обширнаго значенія, произошли прочія значенія сего слова, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Переходъ объ обширнаго значенія къ болѣе тѣсному и обратно—самый обыкновенный. Укажу здѣсь

хоть слѣдующія слова. Нѣм. Handel дѣло; торгъ, торговля; handeln—дѣйствовать; торговать. Въ Литовскомъ языкѣ слово prekia (отъ pirkti покупать) значитъ: 1) торгъ, торговля т. е. покупка и продажа товаровъ; 2) вещи, которыми торгуютъ; товаръ; 3) то, чего какая нибудь вещь стóитъ въ покупкѣ или въ продажѣ; цѣна. Тожественное съ этимъ Литовскимъ словомъ Славянское (Бѣлорусское, Польское, Чешское), праца значитъ: трудъ, работа. — Слово тръгъ, торгъ, targ, въ сущности только другая форма слова тѧгъ (тенг, танг), исконное достояніе языка Славянскаго, перешло въ языки Скандинавскіе (т. е. Исландскій, Шведскій, Датскій), въ Литовскій и Латышскій. Со Славянскимъ словомъ тѧгъ (слѣдовательно, и со словомъ *торгъ*) родственны Нѣмецк. Ding—дѣло, вещь; dingen — рядиться, торговаться.

О приставкахъ, т. е. слогахъ и буквахъ *производственственныхъ*, имѣемъ образцовое сочиненіе г. Павскаго: «Филолоческія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка, Второе Разсужденіе». Извѣстно, что въ семьѣ Индо-Европейскихъ народовъ, Литовцы и Славяне находятся въ самомъ ближайшемъ родствѣ; слѣдовательно, кто занимается ученою разработкою Славянскаго языка вообще, или какого либо нарѣчія Славянскаго, тому необходимо нужно обращать особенное вниманіе на языкъ Литовскій. Постараюсь сравнить нѣсколько приставокъ, самыхъ обыкновенныхъ, въ языкахъ Литовскомъ и Русскомъ, указывая на тѣ мѣста «Филологическихъ наблюденій», гдѣ разсматриваются означенныя приставки.

1. Приставка или производственный слогъ *ство* (собственно: ьство), Филолог. Набл. Второе Разсужд. стран. 57. Первое изданіе 1842 г.—Приставкѣ *ьство* въ языкѣ Русскомъ, соотвѣтствуетъ въ Литовскомъ языкѣ приставка ista (позднѣйшая iste). Вотъ нѣсколько Литовскихъ словъ съ окончаніемъ ista, iste. Apasztaliste, апостольство. Ubagiste убожество, нищенство. Jaunista молодость,

отъ jaunas молодой. Jaunikîste юношество, отъ jaunikis юноша. Wagiste воровство, отъ wagis воръ. Wagingîste склонность къ воровству, отъ wagingas склонный къ воровству. Walnîste добрая воля, отъ wałnas вольный. Wajsingîste плодородіе, плодородность, отъ wajsingas плодородный, плодоносный. Wienîste единство, одиночество, отъ wienas одинъ. Wîrîste мужество отъ wîras мужъ. Draugîste дружество, товарищество отъ draugas другъ, товарищъ. Gajwîste живость, проворство отъ gajwus живой, проворный. Pajkîsta, pajkîste глупость отъ pajkas глупый. Mażîste малость отъ mażas малый. Mergîste дѣвство отъ merga дѣвица, дѣвка. Senîsta, senîste старость отъ senas старый.

Теперь можемъ вывести слѣдующія заключенія: во 1-хъ, настоящею приставкою должно считать не *ство*, а *ьство* (Литов. ista), слѣдовательно, передъ этимъ окончаніемъ буквы согласныя смягчаются или измѣняются, напр. въ древнихъ рукописяхъ читаемъ: божьство, врачьство, дѣвьство, множьство, рождьство, пространьство, цѣсарьствие (царствіе). Нынѣ мы, въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто *ь* ставимъ *е*, напр. божество, множество, мужество, купечество; — послѣ буквы *л* оставляемъ *ь*; только какъ знакъ смягченія; а обыкновенно въ изустной и письменной рѣчи опускаемь *ь*, такъ напр. говоримъ и пишемъ: царство, лѣкарство, пространство. Во 2-хъ, мы видимъ, что буквѣ *ь* соотвѣтствуетъ въ Литовскомъ языкѣ долгая гласная î, слѣдовательно, буква *ь*, была первоначально гласною, а въ послѣдствіи, въ извѣстныхъ случаяхъ, совсѣмъ (если можно такъ сказать) *улетучилась*; въ извѣстныхъ же случаяхъ продолжаетъ свое существованіе въ видѣ гласной *е*. Въ 3-хъ, приставка *ьство* тожественна съ приставкою *îsta*, слѣдовательно, буква *в* не коренная, а вставочная. Во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ буква *в* иногда вставляется; укажу здѣсь хоть слѣдующіе примѣры. Ц.-Славян. скрада, сквраДа, сковрада (Русск. сковорода

и скорода, въ значеніи борона). Храстик, хврастик, Польск. chróst, Русск. хворостъ, Др.-Нѣмецк. forst, horst, hurst. — Скворецъ вм. скорецъ, отъ прилагат. скоръ, скорый. Скворцы (собствен: скорцы) названы такъ потому что скоро (рано) возвращаются къ намъ изъ теплыхъ странъ (краевъ).

Замѣчательно, что въ Литовскомъ языкѣ приставкою *ista* (iste) образуются производныя слова только отъ именъ прилагательныхъ и существительныхъ. До сихъ поръ мнѣ извѣстно только одно отглагольное слово bėgsta (бѣгство) отъ глагола bėgti — бѣгать, бѣжать. Въ словѣ bėgsta (бѣгство) приставка *sta* прикладывается къ корню bėg, безъ буквы *i*, слѣдовательно, буква *i* (въ Славянскомъ языкѣ *ь*) не коренная, а соединительная; коренными буквами (въ приставкѣ *ьство*, *ista*) можно назвать только *ст*, *st*. — И дѣйствительно, въ языкѣ Исландскомъ существуютъ отглагольныя слова (мужескаго рода), образовавшіяся приставкою *st* (съ членомъ *r* вмѣсто *s*, str), напр. bakstr (печеніе хлѣба, panificium) отъ baka печь, — makstr (мазаніе) отъ maka мазать, — mokstr (тесаніе, теска, labor asciandi) отъ moka тесать, шляхтовать. — rakstr скобленіе, соскабливаніе отъ raka скоблить, соскабливать. — Теперь съ полною увѣренностію можно сказать, что въ приставкѣ *ьство*, буква *в* — вставочная; буква *ь*, возникшая изъ *i*, соединительная; кореннымъ же слогомъ должно считать *сто*. Производственный слогъ *сто* (собственно: *ст*, Литов. *sta*, Исланд: *st*), родственный съ приставками *ота*, *ость* (собственно: *та*, *сть*) въ языкахъ Индо-Европейскихъ, особенно же въ Литовскомъ и Славянскомъ, имѣетъ весьма важное значеніе. Посредствомъ сего слога (*ст*) у насъ образуются прилагательныя на *истый*, напр. гористый, лѣсистый. Монисто (подразумѣвая украшеніе) отъ Санскрит: mani жемчугъ, перло, т. е. жемчужное, перловое украшеніе въ Латинскомъ monile подразумѣвая ornamentum). — Въ нѣкоторыхъ Индо-Европейскихъ языкахъ слогомъ этимъ (st,

ist) образовалась превосходная степень прилагательныхъ, слѣды, которой у насъ остались напр. въ словѣ *староста*. — Въ языкахъ Литовскомъ и Славянскомъ этой приставкою (ст, st) образуется учащательная или усиленная форма глаголовъ, напр. грабастать, хробыстать (См. Матеріалы для сравн. и объясн. словаря и грамматики, тетр. III, стран. 495, 496). Кромѣ того, въ Литовскомъ языкѣ, приставкою sztas, sztus, stus, образуется много именъ существительныхъ и прилагательныхъ (у насъ одно *тол-стый*); но для насъ особенно важны слова на szczias, szczia (щяс, щя), которыя имѣютъ иногда значеніе причастій. Окончаніямъ szczias, szczia (щяс, ща) въ языкѣ Литовскомъ, соотвѣтствуютъ окончанія: въ Латышскомъ schu, schus (шу, шус), въ Русскомъ щій. Напр. Литов. dingszczia мнѣніе; видъ, предлогъ, отъ dingti казаться. Kniupszczias лежащій ничкомъ, отъ kniupti лежать ничкомъ. Gulszczias лежащій отъ gulėti лежать. Seszczias сидящій отъ sedėti. Pieszczias (или piestas) пѣшій. Санскритскіе корни *pi, pis* значатъ: ходить, итти (ire), слѣдовательно слова: pieszczias, piestas, пѣшій (област: пѣхій, оттуда пѣхота), значатъ собственно: ходящій, идущій. Отъ глагола neszti (нести, носить) neszczia беременная т. е. носящая (во чревѣ). — Въ Латышскомъ языкѣ: behgschus (бѣгшус) бѣгомъ, бѣжа, отъ behgt (бѣгть) бѣгать, бѣжать. Jahschus (яшус) ѣдучи верхомъ, reitens, отъ jaht (ять) ѣхать верхомъ. Lehkschu (лекшу) прыгая, скача, отъ lehkt (лекть) прыгать, скакать. Sagschus (загшус) украдкою, отъ sagt (загть) красть. Skreeschu (скрѣшу) летомъ, отъ skreet (скрѣть) бѣгать, летать, течь.—Въ Русскомъ языкѣ: вѣ-щій, об-щій, то-щій. Постараемся раскрыть происхожденіе и значеніе сихъ словъ. Слово *вѣщій* производятъ отъ *вѣдать*, или отъ *вѣть*. Извѣстно, что слово *видѣть* и *вѣдать* родственны между собою; а вникая въ дѣло глубже, можно убѣдиться, что слова: *вѣдать* и *вѣть*, развились отъ одного и того же

корня. По Санскритски vid, 1-е лице наст. vêdmi—scire, nosse, cognoscere. Forma causativa: vêdajâmi — facio ut sciat, doceo, narro. Въ Ц.-Слав. вѣдѣти, вѣмь (вм. вѣдмь = Санскр. wêdmi), Польск. wiedzieć, wiem. Форма понудительная или винословная (causativa) Ц.-Слав. по-вѣдати, вѣтити вм. вѣдити (неупот. осталось только въ слож. напр. *от-вѣтить*, но отъ него произошло употреб.) вѣщати, вѣтовати вм. вѣдовати—facere ut sciat, сказывать, говорить. Слѣдовательно, Ц.-Слав. по-вѣдаѭ, вѣщаѭ = Санскр. vêdajâmi (говорю, сказываю, разсказываю). Въ формѣ винословной *вѣдити*, измѣнивъ букву *д* въ *т*, Славяне разграничили эту форму отъ основной формы *вѣдѣти*, и этимъ разграниченiемъ избѣгли неясности, которая могла бы возникнуть отъ созвучiя словъ *вѣдѣти* и *вѣдити*. Отъ формы *вѣтити* произошли слова: вѣщати, вѣтiй вм. вѣдiй (витiя), от-вѣтить, от-вѣтъ, за-вѣтъ и пр. Отъ корня *вѣд* (вѣдать и *по-вѣдать*, сказывать, предсказывать) произошло слово вѣдщiй, *вѣщiй*—вѣдящiй, свѣдущiй, мудрый, предсказывающiй, прорицающiй. Можно догадываться, что отъ одного и того же корня произошли: 1) предлогъ *обо, объ, о*, Санскр. abhi, Гр. ἀμφί, Латин. ob, amb, Литов. api, ape, ap, и 2) Числит. оба, Санскр. ubha, Гр. ἄμφω, Латин. ambo, Литов. abu. Отъ слова *оба* происходитъ *объщiй* — принадлежащiй обоимъ, т. е. тому и другому; принадлежащiй нѣсколькимъ; принадлежащiй всѣмъ. Что принадлежитъ всѣмъ, то не составляетъ исключительной собственности (собины) одного лица, и оно одному лицу становится чужимъ. Общее дѣло, мало по малу для особъ (individuum) становится чужимъ, постороннимъ. Отъ того то въ Польскомъ языкѣ obcy значитъ: чужой, посторонній. Замѣчательно, что въ Литовскомъ языкѣ abszczias, abstas, abstus значитъ: обильный, изобильный, достаточный; Русск. обилие, *обтъ*, употребительное только въ выраженiи *обтомъ*; Ц.-Слав. *обьдо*— богатство, имѣнiе, товаръ. — Намъ остается еще раскрыть происхожденiе слова тощiй, Литов. tuszszias (тущяс),

Латыш. tuksch, ж. tukscha (тукш, тукша), Санскр. тучча (пустой, порожній). Въ Санскритѣ находится корень tu (ire, crescere), съ которымъ тожественно Славянск. тыти—тучнѣть, толстѣть; откуда: туша, тукъ (жиръ). Литовск. tukti наст. tunku—тучнѣть, жирѣть, taukas—тукъ, жиръ, сало. Латыш. tuhkt (tûkt) вздуваться, пухнуть, полнѣть, жирѣть, толстѣть, ботѣть. Tuhks (tûks вм. tunks) опухоль. Tuhze (туце) густое облако, туча. Tuksch (тукш) собств. вздувшійся, надутый, слѣдовательно: только воздухомъ наполненный, пустой, порожній, незанятый. Можно догадываться, что Санскр. tu, Славянск. тыти, первоначально значитъ тоже, что и Латышск. tûkt, т. е. вздуваться, пухнуть, и этому подтвержденіе находимъ въ Латинск. tumeo — вздуваться, пухнуть. Отъ корня tu—собств. дуться, вздуваться, произошло слова: Литов. tu-szczias, Славян. то-щій (тъщій), Санскр. тучча — *надутый, только воздухомъ наполненный,* пустой, порожній, незанятый, ничего неимѣющій. Не мѣшаетъ замѣтить, что отъ Литов. pusti, наст. puntu—дуться, надуваться, вздуваться, пухнуть; — pusti наст. putu или puczіu—дуть, причастіе pustas—собств. дутый, надутый, значитъ: пустой, порожній, незанятый. (Отсюда прилаг. пустъ, пустой). — Въ Латышскомъ языкѣ носовые звуки утрачены, и потому слово tuhkt, могло первоначально произноситься съ носовымъ звукомъ tunkt. Слово tuhze (туце) первоначально звучало тункя, тунца, тѫца, и это подтверждается языковъ Славянскихъ, ибо слово туча въ старину писалось тѫча.

2. Приставка *ьба, оба.* Филолог. Наблюд. стран. 45—47. Въ Литовскомъ языкѣ приставкою *iba* (позднѣйшею *ibe*), въ Латышскомъ *iba*, образуются отвлеченныя имена отъ прилагательныхъ, существительныхъ и глаголовъ. Напр. Литовск. aklibe (слѣпота) отъ akłas слѣпой, — baltibe бѣлизна отъ baltas бѣлый, — brangibe дороговизна отъ brangus дорогой,—gilibe глубина отъ gilus глубокій,—mażibe малость отъ mażas малый; — tamsibe темнота

отъ tamsus темный;—amžibe вѣчность отъ amžis вѣкъ; —draugîbe общество, товарищество, дружество отъ drangas товарищъ, другъ; — pirszlîba сватанiе, сватовство отъ pirszlis сватъ; dalîba дѣлежъ наслѣдства, отъ daliti дѣлить; — deribos сговоръ, помолвка, обрученiе, отъ derēti торговаться, рядиться, сговариваться;—penîba кормленiе, откармливанiе отъ penēti кормить, откармливать;—Szerîbe кормля, кормленiе, отъ szerti кормить.— Въ Латышскомъ: jauniba молодость отъ jauns новый, молодой; — kłusiba тишина отъ klus тихiй;—behrniba дѣтство отъ behrns дитя;—draudsiba общество, товарищество, дружество, дружба, отъ draugs другъ;—deewiba (дѣвиба) божество, отъ deews богъ; — zilweziba (цилвециба) человѣчество, отъ zilweks человѣкъ; — darriba (дариба) работа, дѣло, дѣйствiе отъ darriht (дарить) дѣлать, производить; — mahziba (мациба) ученiе отъ mahziht (мацить) учить; — mohziba (мацифа) мученiе отъ mohziht (моцить) мучить. — Изъ языковъ Литовскаго и Латышскаго явствуетъ, что—во 1-хъ, приставки *ьба* и *оба*, тожественны, — во 2-хъ, буква *ь* возникла изъ *i*;—въ 3-хъ, слова напр. татьба, дружба (Литов. draugîbe, Латышск. draudsiba) образовались отъ существительныхъ *тать*, *другъ*.—Языкъ Литовскiй имѣетъ для насъ особенную важность какъ потому, что въ немъ сохранились формы полнѣе и древнѣе, чѣмъ у насъ (напр. draugiba—дружба, вм. дружьба), — такъ и по удивительному богатству. У насъ напр. отъ прилагательнаго *нагой* образовались отвлеченныя имена: *нагота*, *нагость*; въ Литовскомъ же языкѣ отъ прилагат. nogas (нагiй) существуютъ имена отвлеченныя (со значенiемъ: нагота, нагость) слѣдующiя: nogałas, nogalis, nogała, nogastis, nogiste, nogîbe, nogumas. Слово nogumas (нагота, нагость) замѣчательно потому, что въ Славянскихъ нарѣчiяхъ не находимъ именъ отвлеченныхъ съ окончанiемъ *ума*. Помня, что буквы однаго органа часто замѣняютъ другъ друга, можно полагать, что Литов-

ская приставка *uтas* тожественна съ приставкою *iba*, *ьба*, *оба*. Въ Литовскомъ языкѣ, кромѣ приставки *uтas*, находится и другая приставка *imas*; и замѣчательно, что между Литовскими приставками *imas*, *uтas* (иногда *uтà*), существуетъ совершенно такая же разница, какъ между Русскими *ьба*, *оба*. Первою (т. е. imas) образуются отглагольныя имена напр. alkimas—чувствованіе голода, голоданіе, отъ alkti голодать, алкать; — arimas паханіе, ораніе, отъ arti пахать, орать; — edimas ѣда, жранье, отъ esti ѣсть, жрать;—ejimas ходъ, отъ ejti итти;—wedimas веденіе, отъ westi вести;—werkimas плаканіе, плачь, отъ werkti плакать; — trinimas треніе, пиленіе, отъ trinti тереть, пилить; — kulimas молоченіе, молотьба, отъ kulti молотить; malimas молотье, отъ malti молоть.—Окончаніемъ *uтas*, (иногда *uтa*) образуются отвлеченныя имена отъ прилагательныхъ, напр. bałtumas бѣлизна, отъ baltas бѣлый;—szwiesumas, szwiesuma свѣтлость, ясность, отъ szwiesus свѣтлый, ясный; — brangſumas дороговизна, отъ brangus дорогой; — tamsumas, tamsuma темнота, отъ tamsus темный; — mażumas малость, отъ mażas малый; — didumas величина, величіе, отъ didis великій большой; — ligumà равнина, отъ ligus ровный; — kartumas горечь, отъ kartus горькій; — giłumas, giłuma глубина, отъ giłus глубокій. — Можемъ сказать положительно, что приставки, Литов. *imas*, *umas* (*uma*), *iba* (ibe), Русскія *ьба*, *оба*, не только сродны, но тожественны.

3. Окончанія: *икъ*, *ика*, *ецъ*, *ица*. Филолог. Набл. стран. 71—76; 114—121.

Въ Литовскомъ языкѣ окончанія: *ikas*, *ikis*, *ika*, *ike*, совершенно соотвѣтствуютъ названнымъ Русскимъ окончаніямъ. Ими образуются — во 1-хъ, имена дѣйствующихъ лицъ, напр. degikas обжигальщикъ, зажигатель, отъ degti жечь; — kasikas копачъ, копальщикъ, отъ kasti копать; — kirpikas который стрижетъ, kirpike которая стрижетъ, отъ kirpti стричь; — kirtikas косецъ, дровосѣкъ,

отъ kirsti рубить, косить; — kulikas молотильщикъ, kulike молотильщица, отъ kulti молотить; — neszikas носильщикъ, neszike носильщица, отъ neszti нести, носить;—pjowikas, pjowikis жнецъ, косецъ, pjowika, pjowike жница, отъ pjauti рѣзать, жать, косить;—rawikis полольщикъ, rawike полольщица, отъ rawěti полоть.—Во 2-хъ, имена уменьшительныя или ласкательныя (до сихъ поръ мнѣ извѣстны только женскія) напр. karwika, karwike коровушка, отъ karwe корова;—kojike ножка, отъ koja нога; — mergike дѣвушка, отъ merga дѣвица, дѣвка; — rankike ручка, отъ ranka рука; — dienike денекъ, отъ diena день. — Въ 3-хъ, существительныя отъ прилагательныхъ, напр. kudikis дитя, ребенокъ, младенецъ, отъ kudas тощій, худой, бѣдный, скудный;—jaunikis юноша, женихъ, отъ jaunas юный, молодой,—juodikis мелкая мѣдная монета, отъ juodas черный,—baltikas, baltikis, родъ бѣлыхъ грибовъ, отъ baltas бѣлый,—pelikis старинная мелкая монета. Наконецъ, слова: wajnikas (вѣнецъ, вѣнокъ) и skatikas (грошъ), можно бы назвать уменьшительными, ибо въ Русскомъ языкѣ существуютъ *вѣнъ* (областное) и *скотъ*—которое въ древности значило: деньги. Замѣчательно, что какъ въ Русскомъ, такъ и въ Литовскомъ языкѣ, окончаніе *ика* (ika) встрѣчается весьма рѣдко. Чаще употребляется окончаніе въ Литовскомъ *ike* (вмѣсто первоначальнаго *ikia*, икя), въ Русскомъ *ица* (вмѣсто икя). Окончаніе *ецъ, ьцъ*, произошло отъ первоначальнаго *икъ, ькь*, напр. Литовс. jaunikis (юноша; женихъ) родител. jaunikia (яуникя), творител. древне-Литовск. jaunikimi. Ц.-Слав. юньць (юнецъ), юньца (= яуникя), юньцемъ = jaunikimi. Слово овца, вм. овица, овьца, собственно форма уменьшительная; въ Литовскомъ существуетъ коренная форма awis, уменьшительное было бы awika, awike. Слово восца (Польск. weszka) собств. форма уменьшительная слова вошь, Польск. wesz.

4. Окончанія: *ышъ, уша*. Филолог. Набл. стран. 132—135. 247. — Въ Польскомъ языкѣ ласкательныя имена обыкновенно оканчиваются на *uś*, *usia*; — *ulo*, *ula*, *unio*, *unia*, *ynia*, *enia*; напр. мужескія: tatuś, tatulo, tatunio (тятенька, батюшка); Piotrus, Pietrunio (Петруша); Kubuś (Яшка, ласкател. отъ Jakób, простонародн. Kuba, Яковъ); Wicus, Wicunio, ласкат. отъ Wincenty Викентій; женскія: matusia, matula, matunia (маменька); babusia, babula, babunia (бабушка); corusia, corunia (дочка, доченька); Marynia (Маша, Машенька); Teresia, Terenia ласкат. отъ Teresa Терезія.

Въ Бѣлорусскомъ: *усь*, *уся*, *уля*, *ухна*, напр. Петру̀сь (Петруша), Габру̀сь, Гавру̀сь (Гавриюша); Андру̀сь (Андрюша); бабу̀ся, бабу̀ля, бабу̀ня, ба̀бухна (бабушка); мату̀ся, мату̀ля, ма̀тухна (маменька); тату̀ля, та̀тухна (тятенька, батюшка).

Въ Литовскомъ языкѣ: uszis, usze, обыкновенно użis, uże; напр. мужеск. tĕtuszis, tĕtużis (тятенька), отъ tĕtis тятя; ałużis пивцо, отъ ałus пиво; obołużis яблочко, отъ obolis яблоко; wardużis имячко, отъ wardas имя; waszkużis, ласкат. отъ waszkas воскъ; diewużis ласк. отъ diewas богъ; женскія: Anusze, Anuże Анюта, отъ Ane Анна; motusze, motuże матушка; upuże рѣченька, отъ upe рѣка; wałuże волюшка, отъ wole воля; dienuże денекъ, отъ diena день; gałwuże головка, головушка, отъ gałwa голова; rankuże ручка, рученька, отъ ranka рука; naktuże ночка, ноченька, отъ naktis ночь.

Теперь можемъ вывести слѣдующія заключенія: во 1-хъ, буква *сь* измѣнилась въ Великорусскомъ языкѣ въ *ш* (х), въ Литовскомъ въ sz, ż (ш, ж), напр. Танюша вм. Танюся, Катюша вм. Катюся. Въ одномъ только словѣ Вася, буква *сь* не измѣнилась въ *ш*. Въ языкахъ Польскомъ, Бѣлорусскомъ и Литовскомъ, имена ласкательныя мужескія и женскія разнятся, какъ мы выше видѣли, въ окончаніяхъ; въ Великорусскомъ языкѣ мужескимъ и женскимъ

безразлично даютъ одно окончаніе, напр. Петруша вм. Петрусь, Петруся; Андрюша вм. Андрюсь, Андрюся; Ванюша вм. Ванюсь, Ванюся. Вмѣсто *уша* говорятъ еще *уха*, Петруха, Ванюха. По мнѣнію автора Филолог. Наблюденій буква *а* (я) въ окончаніи именъ ласкательныхъ носовая, т. е. напр. Ваня, Петя вм. Ванень, Петень. На странице 215-й сказано: «Изъ Петръ, Иванъ, Семенъ, Марья, Дарья, Александра дѣлаемъ — Петя, Ваня, Сеня, Маша, Даша, Саша. Во всѣхъ именахъ сей породы *я* (а) есть тоже, что уменьшительный слогъ *ень*, который мы уже не разъ видѣли при уменьшительныхъ именахъ. Носовая буква *я* (= ен), остается въ своемъ видѣ только до тѣхъ поръ, пока она стоитъ на концѣ, а въ срединѣ она разлагается на свои составныя части и произносится *ен*. Напр. Саша, по принятіи *ка*=Сашенька, а не Сашака». Если бы буква *я* (а) была носовая, и, по выраженію автора Филол. Наблюденій, оставалась въ своемъ видѣ, пока стоитъ на концѣ, то она, конечно, произносилась бы въ носъ въ Литовскомъ или въ Польскомъ языкѣ. Но мы видимъ, что напр. въ Литовскомъ отъ слова Ане Анна, ласкательное Anusze, род. Anuszes; въ Польскомъ; Anusia, род. Anusi; Польск. Kasia, Бѣлорусск. Кася (Катя), род. Kasi, Каси. Стало быть въ словахъ, напр. мама, рука, нога, буква *а* носовая, ибо по принятіи *ка* = маменька, рученька, норенька. Мнѣніе автора Филолог. Наблюденій не вѣрно; буква *а* (я), въ словахъ Петя, Ваня, Сеня, Маша, Даша, Саша и пр., не носовая, и по принятіи *ка*, образуются слова: Петька, Ванька, Сенька, Машка, Дашка, Сашка. Мы сказали выше, что въ Польскомъ языкѣ ласкательныя имена оканчиваются на *enia* (еня); слѣды этого окончанія находятся и въ Русскомъ языкѣ напр. тюл-ень (по Польски: cielę morskie) отъ корня *тѣл* (тел-ецъ, тел-ка, тел-енокъ; чеч-еня отъ чеча (област.), Бѣлорусск. цаца. Отъ словъ мама, рука, нога, образовались неупотребительныя: *мамения, ручения*

ножения, а оттуда, по присоединеніи слога *ка*, произошли слова: маменька, рученька, ноженька. Отъ неупотребительныхъ ласкательныхъ: *Петеня, Сашеня, Машеня, Вареня*, произошли: Петень-ка, Машень-ка, Варень-ка. Не мѣшаетъ прибавить, что въ Латышскомъ языкѣ, самое употребительное окончаніе ласкательныхъ именъ, муж. iňsch, родит. iňa (иньсь, род. иня); женск. iňa (иня), напр. kalns гора, ласкател. или уменьшит. kalniňsch (калиньсь, род. калниня); kuhms кумъ, ласк. kuhmiňsch (куминьсь, род. куминя); galwa голова, ласк. galwiňa (галвиня); spalwa перо, spalwiňa; rohka рука, ласкат. rohziňa (роциня). — Во 2-хъ окончаніе Бѣлорусск. *усь*, Польск. uś, Литовск. uszis, užis, въ Русскомъ языкѣ измѣнилось въ *ышъ*, которое и авторъ Филог. Наблюд. называетъ уменьшительнымъ (стран. 68), напр. оборъ, оборышъ; околъ, околышъ; пупъ, пупышъ; отъ Бѣлорусск. кука (кукишъ, шишъ), кукищъ; товаръ, товарышъ; боръ, борышъ, барышъ. — По-Литовски pampti, по-Латышск. pumpt, — дуться, надуваться; вздуваться, пучиться. Латышск. pumpa — шишка. Литовск. и Латышск. pumpuris — почка, пупышъ. Слѣдовательно, слово пѫпъ, пупъ, Польск. pep значитъ собственно: нѣчто надутое, выпуклое. Въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, слово *пупъ* объяснено: «Впадина посреди живота, гдѣ обрѣзана пуповина». Объясненіе это вѣрно только относительно взрослыхъ людей; у дѣтей пупъ не впадина, а выпуклина посреди живота, гдѣ обрѣзана пуповина. — Слово товáръ, значило тоже, что товарищъ (см. Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря, тетрадь II, стран. 267), оттуда товарка — подруга; Бѣлорусск. товарыщъ — товарищъ. Кажется, что слово товарищъ, болѣе книжное чѣмъ народное, ибо въ простонародіи часто слышится товарышъ. — Слово боръ, отъ брать, значило: сборъ, взиманіе; то что собирается, взимается, подать, дань. Нынѣ употребляется только уменьшительная форма борышъ, барышъ.

5. Окончаніе *ырь*. Филолог. Наблюд. стран. 170—171. Въ языкахъ Литовскомъ и Латышскомъ наберется десятка съ два словъ кончащихся на *uris*, которыя по большей части происходятъ отъ глаголовъ. Латышск. dunduris — шмель, шершень, большой слѣпень, отъ Литовск. dundėti — издавать глухой звукъ, звучать. Литовск. и Латышск. pumpuris — почка, пупышъ, отъ глагола Литов. pampti, Латышск. pumpt — вздуваться, пучиться. Отсюда слово *пупырь*. Литовск. żiburis лучина, свѣточъ, отъ глагола żibėti — блестѣть, сіять, свѣтиться, свѣтить. — Литовск. sukuris — кубарь, волчекъ; водоворотъ; вихрь; отъ suktis — вертѣться. — По Санскритски an̄g, 1-е лице наст. an̄gâmi (ire); въ Литовскомъ языкѣ: ingti — лѣзть, линять. Angá — *лазъ*, ходъ, отверстіе для входа и выхода, дверь; въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: *нога*—то, чѣмъ ходятъ. Angis— ползучій гадъ, змѣй, змѣя = Польск. wąż, Русск. ужъ. Unguris (вмѣсто anguris, какъ ugnis — огонь, Санскр. agni), угорь, Польск. węgorz. Слово ungurіs значитъ собственно *ползунъ*; и замѣчательно, что, по простонародному повѣрью, во время росистыхъ ночей, угри выходятъ изъ воды и ползаютъ по травѣ.

6. Приставки или образовательные слоги: *авъ, овъ, ава, ева, ива, во, ово, ево*. Филолог. Наблюденія стр. 48—56. — Приставки эти возникли изъ указательнаго мѣстоименія которое до сихъ поръ существуетъ въ языкахъ: Польскомъ *ow, owa, owo* (тотъ), Сербскомъ *оваj* (сей, этотъ). Въ Зендскомъ языкѣ *ava* указательное мѣстоименіе; въ Санскритскомъ *ava* предлогъ. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, отъ указательнаго мѣстоименія *овъ, ова, ово*, произошли предлоги: 1) *у*, напр. урѣзать, умѣть; въ такъ называемомъ Древне-Прусскомъ языкѣ *au*, напр. aumusna — умытье, омовеніе, отъ корня mû — мыть; au-laut прекратиться, скончаться, умереть; auklipts укрытый.—2) *во, въ*, Бѣлорусск. *у*, напр. у городъ, у городзѣ.

Въ Литовскомъ языкѣ находятся приставки: *wis*, *we*; *owis*, *owe*, *ewa*; *awas*, *owas*; *was*, *wa*.

Приставками *wis*, *we*, образуются по большей части имена дѣйствующихъ лицъ; напр. kalwis кузнецъ, kalwe кузница, отъ kalti ковать; ležuwis языкъ, отъ lėžti лизать; gimdîwe родительница, мать, отъ gimdîti родить; žindiwe кормилица, отъ žindîti кормить грудью; Латышск. burwis колдунъ, отъ burt колдовать. — На *owis*, оканчиваются иногда притяжательныя имена, напр. daržowis, ж. daržowe огородный; существительное daržowe огородная зелень, отъ daržas огородъ; rankowe рукавъ, отъ ranka рука; senowe древность, старина, отъ senas старый, давній, древній; ganewà — паства, выгонъ, отъ ganîti пасти. — Приставкою *awas*, *owas*, образуются, отъ глагольныхъ корней имена дѣйствующихъ лицъ. Приставка сія требуетъ усиленія коренной гласной. Напр. wadawas — вождь, предводитель, вожатай, проводникъ, отъ wedù веду; waldowas правитель, отъ waldėti, наст. weldu владѣть; отъ weldėti приставкою *onas*, образуется слово waldonas—правитель, повелитель, владѣтель. Здѣсь кстати замѣтимъ, что у насъ отъ какого-то корня *бр* произошли слова: *бор-овъ* и бор-анъ, бар-анъ. —По Санскритски gr̥—tonum edere, mussare; canere, laudare; по Литовски girti хвалить, славить, прославлять. Оба эти слова (gr̥, girti) значатъ собственно: издавать звукъ, голосъ. Отсюда Литовск. gerwe, Русск. жир-авъ, журавъ, журавль; Греч. γερ-ανος. Отъ означеннаго корня gr̥ происходитъ Чешск. žehrati (съ удвоеніемъ жегр вм. gr̥gr̥) брюзжать, браниться, усильно просить; сердиться, ревновать. Сюда также пронадлежитъ Чешск. žebrati (очевидно только измѣненіе формы žehrati) просить подаянія. Оттуда Бѣлорусск. жебракъ—нищій; жебровацъ просить милостыни. Въ Чешскомъ языкѣ, кромѣ формъ: žehrati, žebrati, существуетъ еще форма: škebrati, škemrati—канючить.

Приставкою *was*, *wa*, требующаго усиленія коренной гласной, образуются отъ корней глагольныхъ имена прилагательныя и существительныя. Напр. irti—расходиться въ разныя стороны, раздаваться, разваливаться, пороться; форма понудительная или винословная: ardîti (Латышск. irdît) заставлять расходиться (разваливаться), пороть, распарывать, разваливать, разрушать. Ardwas, erdwas — раздавшійся, широкій, пространный. — Отъ stîrti кочепѣть, цѣпенѣть, костенѣть, sterwa — околѣлое животное, стерва. Отсюда Русск. стерва, стерво. — Отъ pelēti—цвѣсти, зацвѣтать, плѣснѣть, плѣсневѣть: pałwas—плавый, половый, буланый.—Отъ kilti подниматься, возвышаться; kelti подниматься, возвышать, происходятъ слова: kałwà возвышеніе, холмъ; gałwà — голова, собств. поднятое вверхъ, возвышенное. Извѣстно, что буквы одного органа замѣняютъ одна другую, и это кромѣ словъ kałwà и gałwà, видимъ напр. въ слѣдующихъ Литовск. словахъ: kiłus— высокій, возвышенный; giłus — глубокій. Оба эти слова происходятъ отъ названнаго выше глагола kilti, и значатъ тоже, что Латинск. altus. Skajdrus и gajdrus — ясный, ведреный. Skałsus и gausus спорый, споркій, изобильный. Латышск. smakrs—der Gaumen, dem der Lette den Geschmack zueignet. Smakkurs (по Нѣмецк. правописанію, собств. smăkurs) — untere Gaumen, Kinnladen, it. Leckermaul. Оба эти слова происходятъ отъ smaks (Geschmack) родственнаго съ Славянск. smak, śmak, Литовск. smokas или skomas. Въ Литовскомъ языкѣ Латышскимъ словамъ: smakrs, smakurs, соотвѣтствуютъ слова: smaguris — лакомка, и gamuris, gomuris, gomuras — нёбо. Съ Санкритскимъ словомъ чит (четами) animadvertere, noscere, cognoscere, scire,—родственны Латышскія: skist (skêtu) обыкновенно: schkist, schkeetu (шкисть, шкѣту) meinen, dafür halten, gist (geedu) mutmassen, schlüssen, Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ Литовскомъ языкѣ существуетъ только производная форма skajtiti—

читать, считать. — Отъ Литовскаго глагола szliti — клониться, наклоняться, родственнаго съ Латин. clino, Греч. κλίνω, происходятъ слова: szlejwas уклоняющійся отъ прямаго направленія, косой, косолапый, кривоногій. Krejwas уклоняющійся отъ прямаго направленія, кривой. Kliwas тоже, что szlejwas. Выше мы сказали и доказали происхожденіе и настоящее значеніе слова глава, голова (Литовск. gałwa); здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ для подтвержденія, что дѣйствительно прилагат. кривой (Литовск. krejwas) происходитъ отъ глагола szliti. Отъ szliti — клониться, наклоняться, производныя szlejwas, krejwas, значатъ: наклонившійся, нагнувшійся, согнутый, непрямой. Относительно слова szlejwas не можетъ быть никакаго сомнѣнія: корень *szli* измѣнился правильно въ *szlej*; ибо приставка *was* требуетъ усиленія коренной гласной. Но въ словѣ krejwas, вмѣсто буквъ *szl* (шл) стоятъ буквы *kr*; слѣдовательно, производство наше можетъ кому либо показаться сомнительнымъ. Дабы устранить всякое сомнѣніе, замѣтимъ: Во 1-хъ, плавныя буквы *r*, *l*, не рѣдко замѣняютъ другъ друга, и замѣчательно, что въ Древне-Персидскомъ языкѣ существуетъ только плавная *r*. Въ Санскритѣ употребительны обѣ плавныя *r*, *l*, но постепенно *r* измѣняется въ *l*. Въ Романскихъ языкахъ не только плавная *r* измѣняется часто въ *l*, но даже буква *l*, смягчается въ *j*. — Во 2-хъ, буква *к*, измѣняется въ *ш* (ç, sz) въ языкахъ Санскритскомъ и Литовскомъ. Это извѣстно ученымъ филологамъ; но не мѣшаетъ представить хоть нѣсколько примѣровъ изъ языка Литовскаго. Szliti (вмѣсто: kliti, kriti): Латин. clino, Греч. κλίνω. — Kajmas, kiemas (кѣмас) — домъ, дворъ; деревня; szejmina (Латышск. sajme) челядь, домочадцы. — Szalti мерзнуть, замерзать; szałtas холодный. Исландск. kala (frigere), kaldr (frigidus); Нѣмец. kalt, Славянск. хладъ, холодъ. — Szerti кормить, оттуда szermenis столъ, обѣдъ послѣ похоронъ; у Славянъ: кормъ 1) все, что дается въ пищу животнымъ; 2) *старин.*

заздравное или заупокойное угощеніе духовенства; кормить, корчма вм. кормча. Въ Словарѣ Сербскаго (Иллирскаго) языка находится слово: karmine (= Литов. szermenis) f. pl. Trauermahl. Замѣчательно, что въ такъ называемомъ Древне-Прусскомъ языкѣ, слово kermens, родит. kermenes, значитъ: тѣло, Leib, Körper.—Въ сѣверовосточной части земель, населенныхъ Литовцами, напр. въ уѣздахъ Вилькомирскомъ и Новоалександровскомъ, Ковенской губерніи, глаголъ szerti значитъ: бить, наносить удары. Оттуда Литов. karas, karias (каряс)—рать, война, ратники, войско. Славян. кара, карать, у Болгаръ карамъ — бью, ударяю.

Авторъ Филол. Наблюд., разсматриваетъ слова тетеревъ (стран. 49), булава (стран. 51), мурава (стран. 52), и излагаетъ свои соображенія и догадки. Скажемъ и мы кое-что объ означенныхъ словахъ, а также о словѣ туловище. — Литовское слово tarti значитъ: говорить и думать (т. е. говорить съ самимъ собою), собственно: издавать звукъ, голосъ. Отсюда Русск. тар-анта — часто говорящій; болтунъ, пустомеля. Тараторить (съ удвоеніемъ тар-тор); тро-стить (усиленная форма съ приростомъ *ст*) часто говорить, напоминать о чемъ нибудь. Древне-Русское потортати (погремѣть). «И на ту нощь бысть громъ, и поторта мало». Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 137. — Польск. tartas, tertes—крикъ, шумъ. Tarkać, tarkotać, tyrkotać—стучать, звучать, издавать глухой звукъ. Ц.-Слав. стръкъ, Сербск. штрк, Литов. starkas, Нѣмец. Storch—аистъ; ибо сія птица стуча (щелкая) челюстями, издаетъ голосъ. — Отъ корня *tr*, съ удвоеніемъ teter (вм. terter), происходятъ Латышск. teteris (по Нѣмецкому правописанію tetteris) тетеревъ; Русск. тетеря, тетерій (отъ неупотребит. тетерь = Латышск. teteris). Литов. teterwas — тетеревъ; teterwa — тетеря, и Русск. тетер-евъ, образовались, какъ видимъ, отъ корня teter, *тетер*, посредствомъ приставки *was*, *wa*, *евъ*. — Отъ корня titil, соб-

ственно смягченнаго teter, птица зуекъ, называется по-Литовски titilwikas (у г. Нессельманна tilwikas). Слово tilwikas, собств. уменьшит. форма неупотребительнаго titilwis, которое образовалось отъ корня titil, приставкою wis. — Польское слово buła значитъ: большая коврига; шишка. Бѣлорусск. булка — коровай хлѣба, коврига. Отсюда: бул-ыга — каменная глыба, округленная дѣйствіемъ естественныхъ причинъ; булава — палка съ шишкою на концѣ. — Литовское слово mauras — ряска, lemna palustris, и Латышское maurs — мурава́, Rasen, — родственны съ Русскимъ словомъ смурый (темносѣрый), значитъ собств. *нѣчто зеленое.* Въ Русскомъ языкѣ существуетъ слово муръ — составъ, употребляемый для муравленія глиняныхъ сосудовъ (собств. нѣчто зеленоватое). Отсюда прилагательное *мура́вый, муравьи́й* — зеленый. «Росла трава мурава́я»: народ. пѣсня. Отъ прилагательнаго *муравый* произошли существительныя: *мурава́* и *му́рава.* Русскій человѣкъ, любящій ясность и отчетливость, отличилъ удареніемъ эти тожественныя слова.

Слово ту́ловище, по-Польски: tułów, tułub́, tołub́, tołob́, tułob́, tułuṕ, tołẃ, находится въ родствѣ со словомъ *тѣло.* Это явствуетъ изъ Польскаго слова tyłowity, tułowity, tałowity, tałwisty — дородный, тѣльный, жирный. Сюда принадлежитъ и слово толстый. Отъ корня тал (тол, тул, тѣл) вѣроятно родственнаго съ Санскр. tu (crescere), Славян. тыти, происходитъ слово талъ (salix cenerea) собств. *скоро* растущее.

Изъ этихъ краткихъ, отрывочныхъ замѣтокъ, всякій понимающій дѣло, легко можетъ убѣдиться, что до тѣхъ поръ никто не составитъ полнаго наукообразнаго корнеслова и словопроизводнаго словаря Славяно-Русскаго языка, пока не будутъ изучены и основательно изслѣдованы языки Литовскій и Латышскій. Въ запискѣ моей о Словарѣ г. Нессельманна (Извѣстія Импер. Академіи Наукъ, т. I, стран. 107—115), я доказывалъ важность языка и

миѳологіи Литовской, для объясненія языческихъ вѣрованій у древнихъ Славянъ. Я собираю матеріалы для словаря и для Литовской миѳологіи; — но занятіе это, сверхъ чаянія, идетъ чрезвычайно трудно. Легко можно подумать кому либо изъ ученыхъ: собирать матеріалы для словаря, пожалуй, дѣло копотливое; но что касается Литовской миѳологіи, то объ этомъ предметѣ писано уже довольно много. Стóитъ только изъ разныхъ писателей избрать кое-что, прибавить къ этому порядочный пріемъ философскихъ взглядовъ, и выйдетъ образцовое сочиненіе о Литовской миѳологіи. По части Литовской миѳологіи, самый полный трудъ г. Ѳ. Нарбутта. Почтенный исторіографъ Литовскій, въ первомъ томѣ своего монументальнаго сочиненія «Dzieje starożytne narodu Litewskiego»—Древняя исторія Литовскаго народа, подробно и обстоятельно излагаетъ Литовскую миѳологію. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ первомъ томѣ сочиненія г. Нарбутта, и укажу хоть нѣкоторыя ошибки и промахи почтеннаго исторіографа. Въ число Литовскихъ божествъ г. Нарбуттъ внесъ какого-то Szlotrasis (стран. 142), и сознается въ томъ, что ни названія, ни значенія сего божества не умѣетъ истолковать. Литовское слово szłotražis значитъ: истершаяся отъ употребленія метла, и происходитъ это слово отъ szłota (метла) и ražas—прутикъ, сучокъ; множ. ražaj—солома, оставшаяся на корнѣ на поляхъ послѣ жатвы, жниво. Если лѣтописецъ Стриковскій, не зная вовсе Литовскаго языка, писалъ иногда нелѣпости, то по крайней мѣрѣ историку XIX столѣтія нужно было быть поосмотрительнѣе. На стран. 91 — 93-й г. Нарбуттъ разсуждаетъ о какомъ-то Kaunis, который, по словамъ г. Нарбутта, былъ богъ любви, Литовскій купидонъ, и назывался иначе Pizio. На стран. 61-й сказано: «въ статьѣ Kaunis будутъ указаны источники и доказательства». Дѣйствительно, въ статьѣ Kaunis, г. Нарбуттъ привелъ какую-то Литовскую пѣсню, въ которой будто бы упоминается о божествѣ Kaunis;—

но пѣсня эта исковеркана удивительно страннымъ образомъ. Не знающимъ Литовскаго языка не возможно дать объ этомъ понятія, развѣ нужно по-Нарбуттовски исковеркать какую либо Русскую пѣсню. Напр. вмѣсто

Не кукушечка во сыромъ бору куковала,
Добрый молодецъ сидитъ горько плачетъ,

нужно написать, или

Не кукушечка во сыромъ бору куковала,
Добрый молодецъ сидитъ горько *плаковала*,

или

Не кукушечка во сыромъ бору *кучетъ*,
Добрый молодецъ сидитъ горько плачетъ.

Т. е. конечныя слова въ стихахъ измѣнены ради риѳмы, безъ всякаго вниманія къ смыслу, или къ тому, существуютъ ли въ языкѣ такія слова, какія исправителю текста вздумалось подставить. Такъ напр. вмѣсто dajktu (вещей) подставлено diktej, ради созвучія съ словомъ tiktej; слово apimimas—объятіе, объемъ, содержаніе, подмѣнено словомъ apimirnos, ради созвучія съ словомъ sparnos. Содержаніе Литовской пѣсни, кажется, было слѣдующее: «Летѣлъ (соколъ или воронъ?) издалека, оттуда, гдѣ вѣчное лѣто, и сказалъ онъ мнѣ, что тамъ воюетъ мой возлюбленный; и возвратится онъ ко мнѣ на добромъ конѣ, съ богатою добычею. Воротись (соколъ или воронъ?), принеси ко мнѣ на своихъ крыльяхъ моего возлюбленнаго; мнѣ не надо дорогой добычи: мой возлюбленный для меня всего дороже». Г. Нарбуттъ такъ исковеркалъ текстъ приведенной имъ пѣсни, что въ ней никто не добьется толку. И мы, признавая за г. Нарбуттомъ неоспоримое право перваго въ своемъ родѣ исправителя текстовъ, весьма сомнѣваемся въ существованіи у древнихъ Литовцевъ языческаго божества Kaunis. Г. Нарбуттъ догадывается, что отъ миѳологическаго существа Kaunis, городъ *Ковно* получилъ свое названіе. *Ковно* по Литовски называется Kaunas, и слово это до сихъ поръ существуетъ въ Латышскомъ

языкѣ: kauns—стыдъ, срамъ. Слѣдовательно, слово kaunis, могло бы значить: стыдливый, срамливый, срамникъ, — и это названіе, пожалуй, носилъ Литовскій купидонъ. Другое его названіе, по г. Нарбутту Pizio, невозможно объяснить коренным Русскимъ словомъ, и потому выпишемъ объясненіе сего слова (Pizio) изъ Литовскаго словаря г. Нессельманна: «Pissa, pisse, pyze (т. е. писа, писе, пизе) unedle, gemeine Benennung für den weiblichen Schamtheil». — Въ какой-то старинной книжицѣ, безъ начала и конца, нашелъ я изчисленіе языческихъ божествъ, почитаемыхъ *Низовцами* (Żemajczej). Это просто извлеченіе изъ Ласицкаго «De Diis Samogitarum». Въ этомъ извлеченіи сказано: «Samogitae wenerowali.... Audres — bóg morza i wód; Lizus — bożek młodzieńców (юношей); Gondu — panien i dziewcząt (дѣвицъ). Tawals—bożek bogactw i chudoby (у Ласицкаго: auctor facultatum). Очевидно, Lizus (лизунъ) у г. Нарбутта превратился въ Pizio. — Г. Нарбуттъ нашелъ гдѣ-то какое-то Скандинавское слово anafiel, и увѣряетъ (стран. 384), что высокая, стремнистая гора, на которую, по мнѣнію Литовцевъ, души покойниковъ должны были вскарабкиваться, называлась по Литовски: anafiełas. Извѣстно, что въ Литовскомъ языкѣ не существуютъ придыхательныя буквы, *х*, *ф* (ch, f), слѣдовательно и слово anafiełas не Литовское. Странно, что почтенный исторіографъ упустилъ изъ виду это обстоятельство. — На стран. 82-й, г. Нарбуттъ говоритъ: «Ксендзъ Ширвидъ, въ своемъ словарѣ называетъ рѣку Вилію по Латыни Vilia, по Литовски Neris». И такъ, Литовскій исторіографъ не знаетъ, что родная его рѣка Вилія, называлась и называется по Литовски: Neris, Niaris. Рѣка *Вилія*, начинается, какъ извѣстно, въ Борисовскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, т. е. на землѣ Славянской, и имѣетъ Славянское названіе Вилія, Вилья (по Бѣлорус: Вильля) отъ глагола *вилять*—бѣжа измѣнять безпрестанно направленіе, — потому что она очень извилистая. Рѣка Вилія,

протекая черезъ земли населенныя Литовцами, носитъ и названіе Литовское: Нерисъ, Нярисъ, отъ глагола nerti — нырять, т. е. рѣка, ныряющая по разнымъ направленіямъ. Почтенный историографъ Литовскій имѣетъ странную привычку извращать приводимые имъ Литовскіе тексты и вносить въ Литовскій языкъ небывалыя слова, напр. anafiełas, mundus. На стран. 52-й г. Нарбуттъ говоритъ: «Mundus — коренное Литовское слово значитъ: *вселенная*, оттуда: Narymund — край міра; Giarymund — Добро-міръ; Zygmund—перемѣнчивый, непостоянный міръ.» — Для выраженія понятій: *свѣтъ*, *міръ*, *вселенная*, Литовцы имѣютъ слово pasaulis (у Латышей pasaule), т. е. подсолнечная. Слово swietas, Литовцы заимствовали отъ Славянъ. Слово mundus (вселенная) никогда не существовала въ Литовскомъ языкѣ; но у Латышей употребительно слово manta — имѣніе, имущество, сокровище. Отъ этого слова (manta) произошли Литовскія собственныя имена, напр. Skirmantas, Dejmantas, Girmantas, Widmantas, Žirmantas.

Теперь сдѣлаемъ краткія замѣчанія о языкахъ Литовскомъ и Бѣлорусскомъ.

Народъ Литовскій, по языку, правамъ, повѣрьямъ, по древне-языческимъ вѣрованіямъ самый ближайшій родственникъ Славянъ, — въ теченіе тысячелѣтій раздѣлился на двѣ части: Понеманскую и Подвинскую, или Литовскую и Латышскую. Литовцы сами себя называютъ Letuwis, а Латыши: Latwis; родную свою землю Литовцы называютъ Letuwà, а Латыши Latwiu zeme. Слова Letuwis и Latwis, происходятъ отъ прилагат. letas — простой, тихій, небойкой; недорогой, малоцѣнный. И замѣчательно, что Славянинъ называя себя *Словѣнинъ*, *Словакъ* (отъ слово, словити), т. е. говорящій, словесный, инородцевъ называетъ *Нѣмцами*, т. е. нѣмыми, безсловесными; Литовецъ же называя себя *простакомъ*, *простодушнымъ* человѣкомъ (Letuwis, Latwis), инородцевъ называетъ: или Gudas — хит-

рый, лукавый отъ глагола gusti, наст. gundu—быть зоркимъ, проницательнымъ, прозорливымъ, хитрымъ, лукавымъ, scharfsinnig, verschmitzt sein;—или Wokis, Wokitis, Wacis, Wacets, отъ глагола wokiu — понимаю смекаю, замѣчаю. И до сихъ поръ Литовецъ относительно инородцевъ (Gudas, Wokitis, т. е. хитрецъ, *вѣдунъ, смѣкалый*) удивительно скрытенъ и остороженъ. Извѣстно, что нынѣ называемъ *Нѣмцами* людей Тевтонскаго происхожденія; но Русскій простолюдинъ до сихъ поръ каждаго инородца называетъ Нѣмцемъ. (Я сказалъ Тевтонскаго, а не Германскаго потому, что у древнихъ слово Germania служило общимъ названіемъ земель, населенныхъ Нѣмцами и Славянами.),—Литовцы же словомъ Gudas называютъ Славянъ, а словомъ Wokitis Нѣмцевъ.—Со словомъ letas (откуда произошли Letuwis, Latwis), родственны Славянскія: Пол. łatwy—легкій, нетрудный, возможный; Чешск. láce—дешевизна, laciny—дешевый, сходный; Древне-Славян. лѣть кстъ = льзѣ кстъ, т. е. можно, возможно, позволено. Греч.

Границы, какъ вообще Литовскаго племени, такъ и въ частности, вѣтвей собственно Литовской и Латышской, хорошо обозначены Шафарикомъ, въ извѣстномъ «Славянскомъ народописаніи». Нужно только замѣтить, что въ самой восточной части Курляндской губерніи, живутъ не Латыши, а Литовцы. Г. С. Е. Довконтъ (подъ псевдонимомъ Myle) издалъ въ С. Петербургѣ, 1837 г. Краткую Латинскую грамматику на языкѣ Литовскомъ, подъ заглавіемъ: «Prasmą Lotinû Kalbos, parasze K. W. Myle». Не знаю почему ученый Шафарикъ причислилъ эту книжицу къ Латышскимъ грамматикамъ.

Обѣ вѣтви Литовскаго племени, т. е. собственно-Литовская и Латышская, подраздѣляются на множество мѣстныхъ отродій, слѣдовательно и въ обоихъ языкахъ существуетъ множество мѣстныхъ оттѣнковъ. Однимъ словомъ все разнообразіе и различіе говоровъ, замѣчаемое въ великомъ племени Славянскомъ, развилось (разумѣется, миніатюрно)

Греч. λιτός, ή, όν — гладкій, ровный, безъ узоровъ; простой, умѣренный, бережливый, недорогой, малый, незначительный, бѣдный.-

и въ мелкомъ Литовскомъ народѣ. И всѣ эти мелкіе оттѣнки, эти мѣстные говоры, чрезвычайно важны для Славяно-Русскаго языкознанія. Укажу здѣсь хоть одинъ примѣръ. У Латышей живущихъ въ Витебской губерніи, долгое *u* (у) измѣняется въ *yu* (ыу), напр. dyumi вм. dûmi дымъ; jyura вм. jûra море; byut вм. bût быть; jyus вм. jûs вы; myus вм. mûs насъ, Ц.-Слав. ны. Можно догадываться, что Славянская буква *ы*, первоначально произносилась не такъ, какъ обыкновенно нынѣ произносится. Въ этомъ убѣждаемся также изъ того, что въ Литовскихъ словахъ, заимствованныхъ отъ Славянъ, напр. mujłas (отъ Русской формы мы-ло вм. мы-дло), mujtas мыто, Славянское *ы*, выражается звукомъ *ui*, *uj*. Стало быть, не даромъ изобрѣтатель Славянской азбуки буквы *ы* выразилъ ъі, т. е. посредствомъ глухой гласной *ъ*, и гласной *і*. Гласную *у* (Латин. *u*) изобрѣтатель Славянской азбуки выразилъ знакомъ *оу*, не потому что она будто бы двоегласная, а потому только, что, во время изобрѣтенія Славянской азбуки, у Грековъ выражалась эта гласная знакомъ ου. Почему Греки гласную *у* (и) писали ου, и какіе первоначальные звуки въ Греческомъ языкѣ замѣнила гласная ου, дѣло другое, и это принадлежитъ къ изслѣдованіямъ Греческаго языка. Мы знаемъ, что Славянская азбука основана на Греческой, и что изобрѣтатель придумалъ знаки только для тѣхъ Славянскихъ звуковъ, которые чужды Греческому языку.

Объяснивъ происхожденіе и значеніе словъ Letuwis, Latwis, слѣдуетъ растолковать также и слово Żemajtis, множ. Żemajtej, Żemajczej, откуда произошли варварскія слова: Samogitia, Żmojdź, Шамантскій, Жмудскій. Литовское слово żemas, Латышск. zems значитъ: низкій низменный; оттуда Литовск. żeme, żiame, Латышск. zeme—земля, собственно: низина, низь, низъ. Небо Литовцы называютъ dangus (отъ dengti — крыть, покрывать) т. е. кровъ. У Славянъ не существуетъ прилагатель-

ное *земый*, но осталось слово производное *земя*, *земля*, *земь*. Слово *земя* (земля), *земь* образовалось отъ неупотребительнаго *земый*, подобнымъ образомъ, какъ напр. отъ глуб-окій, Польск. głęboki (głebiej глубже) глубь, Польск. głębia и głąb, głęb'; отъ тихій, тишь, Польск. cisza. Санскритское слово gô (родит. gôs, дат. gavê, вин. gâm) значитъ: 1) taurus, vacca. 2) terra, locus, spatium. 3) coelum. Въ Зендскомъ: gâo 1) taurus, vacca. 2) terra. Zâo (собственно измѣненіе слова gâo) terra; дател. zemê = Санскр. gavê; вин. zâm, zem = Санскр. gâm. Оттуда Ново-Персидское zemin земля. Мы знаемъ, что съ этими словами сродно Славянск. говѧдо;—но относительно словъ: земя (земля), земь, можемъ положительно сказать, что подобозвучіе этого слова съ Зендскими косвенными падежами слова zâo, и съ Ново-Персидскимъ zemin—дѣло случайное.—Отъ названнаго выше слова żemas (низкій, низменный) происходитъ слово Żemajtis, Żamajtis, т. е. низовецъ, житель низовья. Множ. Żemajtej, Żemajczej—*Низовцы*, Литовцы живущіе на низовьи Немана. Латыши, живущіе по низовью Двины, называются Zemgaleszi (Земгалѣши) т. е. Низовцы. — Если были (и суть) Низовцы, должны быть и *Верховцы*; и были дѣйствительно. Отъ глагола augti—рости, посредствомъ приставки sztas, образовалось слово augsztas, auksztas — рослый, высокій. Отъ слова auksztas происходитъ Auksztajtis или Auksztatis, *Верховецъ*, житель верховья; множ. Auksztatej, Auksztaczej — *Верховцы*, Литовцы живущіе на Неманѣ до того мѣста, гдѣ въ него втекаетъ рѣка Невяжа, по рѣкѣ Виліи и по лѣвому берегу рѣки Невяжи. На это есть свидѣтельство самаго Витовта, въ письмѣ къ императору Сигизмунду, писанномъ 1420 г., гдѣ читаемъ: «Terra Samaytarum est et semper fuit idem cum terra Litvanie, nam unum *ydioma* et *uni homines*, sed quia terra Samaytarum est terra inferior ad terram Litvanie ideo Szomoyth vocatur, quod in Littvanico terra inferior interpretatur. Sa-

mayte Littvaniam apellant Auxtote, quod est terra superior, respectu terrae Samaytarum. Samayte quoque omnes se Littvanos ab antiquis temporibus et nunquam Samaytas apellabant, et propter talem idemptitatem in titulo nostro, nos de Samaycia non scribimus, quia totum unum est, terra una et homines uni» Voigt, Gesch. Preus. B. V. p. 62. — Замѣтимъ здѣсь, что нынѣ Литовцы, живущіе въ уѣздахъ: Россіенскомъ, Тельшевскомъ и Шавельскомъ, Ковенской губерніи, и сами себя называютъ Żemajczej. Г. Нессельманну вздумалось всѣхъ Литовцевъ, живущихъ подъ Всероссійскимъ скипетромъ, назвать Żemajczej, Литовцевъ же, живущихъ въ восточной части области Пруссіи — Letuwninkaj kalnini. Ошибочному мнѣнію г. Нессельманна послѣдовалъ также одинъ ученый, который побывалъ нѣсколько дней въ Прусской Литвѣ и изучилъ языкъ, нравы и повѣрья Литовцевъ. Я обозначилъ уже мѣстность и границы верхнихъ (Auksztatej) и нижнихъ (Żemajczej) Литовцевъ; — объяснилъ происхожденіе и значеніе словъ Auksztatej и Żemajczej, подтвердилъ все это словами самаго Витовта; теперь покажу, кто ввелъ Нѣмецкихъ ученыхъ въ грубую ошибку. Г. С. Е. Довконтъ, подъ разными псевдонимами, издалъ въ С. Петербургѣ нѣсколько книжицъ (о его Латинской грамматикѣ, мы уже упомянули) на Литовскомъ языкѣ. Одна изъ этихъ книжицъ, подъ заглавіемъ: «Abeciela Lijtuwiû kalnienû ir Żiamajtiû kałbos» попалась въ руки г. Нессельманну (см. Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann, стран. 475 столб. 1.), и почтенный лексикографъ заключилъ, что Литовцы, живущіе подъ Всероссійскимъ скипетромъ, всѣ безъ исключенія сами себя называютъ Żemajczej,—слѣдовательно, что выдуманное г. Довконтомъ слово kalnienaj (горные, горцы) нужно пріурочить къ Литовцамъ, живущимъ въ Пруссіи.

Мы уже сказали, что въ языкѣ Литовскомъ много мѣстныхъ говоровъ, различающихся или грамматическими,

или лексическими, или наконецъ фонетическими особенностями. Вообще языкъ Литовскій раздѣляется на два главныя нарѣчія: южное и сѣверное. Естественную границу между этими нарѣчіями составляетъ отчасти рѣка Вилія. Къ сѣверному нарѣчію принадлежатъ Литовцы, живущіе въ уѣздахъ: Свенцянскомъ (Виленской губерніи), Новоалександровскомъ, Вилькомирскомъ, Поневѣжскомъ и отчасти Шавельскомъ (Ковенской губерніи). Всѣхъ остальныхъ Литовцевъ можно причислить къ южному нарѣчію. Главное различіе между южнымъ и сѣвернымъ нарѣчіями составляетъ слѣдующая фонетическая особенность: въ южномъ господствуетъ носовое *a*, въ сѣверномъ носовое *u*. Такъ какъ нынѣ въ Литовскомъ языкѣ носовые звуки весьма слабы, или и вовсе изчезли на концѣ словъ и предъ буквами шипящими s, sz, ż (c, ш, ж); то въ этихъ случаяхъ, въ южномъ нарѣчіи слышится чистое *a*, въ сѣверномъ *u*. Объяснимъ это примѣрами. Въ южномъ нарѣчіи говорятъ напр. antras — другой, иной, второй; antis утка; wâszas (вм. anszas, wanszas) крюкъ; anksztas тѣсный, узкій; amżis вѣкъ; anga отверстіе для входа и выхода; дверь; — anglis уголь; âsa (вм. ansa, ąsa) ушко, ручка; anksti рано; ranka рука; râstas (вм. ranstas, rąstas) бревно, чурбанъ; wanduo вода; tamsus темный; dangus небо; dantis зубъ; bamba пупъ, пупокъ; łangas окно; mâstiti (вм. manstiti, mąstiti) думать, гадать; samditi нанимать; żâsis (вм. żansis, żąsis) гусь; żandas челюсть; въ сѣверномъ же нарѣчіи произносятъ эти слова: untras, untis, uszas (иногда łuszas), unksztas, umżis, unga, unglis, usa, unksti, runka, rustas, unduo, tumsus, dungus, duntis, bumba, łungas, mustit, sumdit, żusis, żundas. Винительный падежъ единственнаго числа, ranką руку, wîrą мужа, bambą пупокъ, łangą окно, wiłką волка, warną ворону, южные Литовцы произносятъ: ranka, wîra, bamba, łanga, wiłka, warna, сѣверные же: runku, wîru, bumbu, lungu, wilku, warnu. Передъ буквами шипя-

щими s, sz, ż (с, ш, ж) почти совершенно уже изчезли носовые звуки въ Литовскомъ языкѣ, напр. ásа, usа (ушко, ручка) вмѣсто ansa, ąsa, Латинское ansa; żásis, żusis вм. żansis, żąsis; Польск. gęs, Нѣм. Gans, Санскр. hansa, hansî; mesa (мясо) вм. mensa, męsa, Польск. mięso, Санск. mânsa; usaj (усы) вм. unsaj, Польск. wąsy. Въ винительномъ падежѣ множеств. числа, wîrus мужей вм. wîruns, wiłkus волковъ вм. wiłkuns; rankas руки вм. rankans, gałwas головы вм. gałwans. Въ такъ называемомъ Древне-Прусскомъ языкѣ, существовалъ еще носовой звукъ въ винител. падежѣ множ. числа, напр. warnins вороновъ, kaiminans сосѣдей, kermeniskans тѣлесные, penningans, пѣнязи, деньги. Г. Куршатъ пишетъ: rąsa роса, rąsalas разсолъ, слѣдовательно догадывается, что въ этихъ словахъ существовалъ первоначально носовой звукъ. Въ такомъ случаѣ сѣверные Литовцы произносили бы слово rąsa не rasa, какъ обыкновенно произносятъ, а rusa. Выдумка г. Куршата явствуетъ еще болѣе изъ слова rąsalas, которое Литовцы заимствовали отъ Славянъ, и которое происходитъ не отъ rasa (роса), но отъ раз-солъ. Покойный Шимкевичъ въ Корнесловѣ Русскаго языка, Литовскія слова выписанныя имъ изъ словаря *Рушга*, называетъ *Литовскими*, слова же и формы заимствованныя изъ словаря Ширвида, называетъ *Самогитскими*. Но Ширвидъ писалъ именно на сѣверно-Литовскомъ нарѣчіи.

Границы Бѣлорусскаго нарѣчія довольно вѣрно обозначены Шафарикомъ въ извѣстномъ «Славянскомъ народописаніи». Нужно только прибавить, что часть Смоленской губерніи, по крайней мѣрѣ уѣздъ *Порѣцкій*, и часть Черниговской губерніи, по крайней мѣрѣ уѣздъ *Суражскій*, должно причислить къ Бѣлорусскому говору. Часть Гродненской губерніи, а именно уѣзды: Брестскій, Кобринскій и отчасти Пружанскій, а также Пинскій уѣздъ Минской губерніи, принадлежатъ къ Южнорусскому или

Малорусскому говору. Въ Малорусскомъ нарѣчіи, гласная *о*, въ извѣстныхъ случаяхъ измѣняемая въ *и*, въ языкѣ жителей названныхъ нами уѣздовъ измѣняется въ *у*, напр. суль (соль) род. соли, кунь (конь, лошадь) род. коня́, вулъ (волъ) род. вола́. Въ Кобринскомъ уѣздѣ употребителенъ глаголъ: выскирити *зубы* — оскалить зубы. Слово *выскирити* замѣчательно потому что въ немъ сохранился первоначальный слогъ *скир*. Обыкновенно въ разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ существуютъ формы: церитисе (у Сербовъ) смѣяться, оскаливъ зубы, въ Польск. wyszczerzyć zęby, въ Бѣлорусск. *выщирить зубы* — оскалить зубы.

Народъ, говорящій на Бѣлорусскомъ или Литовско-Русскомъ нарѣчіи, состоитъ иаъ Радимичей, Дрягвичей (отъ *дрягва́* — болото, топь, трясина) или Дряговичей, Полочанъ и отчасти Кривичей. Языкъ Дряговичей имѣетъ много сходства съ Южно-Русскимъ (съ языкомъ Полянъ, Древлянъ и Бужанъ). Въ рѣчи Кривичей замѣтны слѣды сѣвернаго (Новгородскаго) говора. Радимичи и Полочане составляютъ нѣчто среднее между Дряговичами и Кривичами.

Укажѐмъ теперь нѣсколько отличительныхъ признаковъ Бѣлорусскаго говора. 1) Буква *г* произносится вездѣ какъ Латинское h, напр. hòrod; haròd (го̊родъ), dobroho, dobraha, waranòha воронаго. У Кривичей буква *г* въ родит. падежѣ единств. числа мѣстоименій и прилагательныхъ, произносится какъ *в*, напр. каво́, цаво̀; бязь слязнòва рыданья; пиряйми свячу̀ воску я̀рава. 2) Гласная *о* безъ ударенія выговаривается какъ *а*, напр. галава́, гòрадъ, сàла, мàла (мало), лѣта (лѣто). Иногда, для избѣжанія нѣсколькихъ *а*, сряду, вмѣсто *а* ставится *ы* (особенно у Полочанъ), напр. гылава́ вм. галава́, — вòлыва вм. вòлава (свинецъ). Пы дыстàтку пякуць букàтку — *Поговорка*. Пыдъ аднымъ кылпачкòмъ сямь сòтъ кызачкòвъ. — У Дряговичей *о* только предъ удареніемъ произносится какъ *а*, но послѣ ударенія остается неизмѣнна, напр. Hòrodno (Гродно), и dòbroho haspądara, piwo, dòbroje. 3) Гласныя *е*, *ѣ*, безъ ударенія

произносятся какъ *я* или *и*, напр. нявóля, ни магỳ, ня буду, хóчиць (хочетъ), зялёная вино или зилёная винó, чóрная пива (черное пиво); свячà, рякà. 4) Прилагательныя мужескаго рода оканчиваются на *ій, ый* (обыкновенно *й* въ произношеніи скрадывается или поглощается), напр. синій или сини; добрый или добры, малы́й или малы́, стары́й или стары́, другій или други́. У Кривичей же оканчивается на *ей, ой*, слѣдовательно безъ ударенія: *яй, ай*, напр. синяй, роднай бацюшка, другóй, зялёнай, варанóй. 5) Мягкое *д* и *т*, Бѣлорусцы произносятъ еще мягче, *дзь, ць*, напр. дзень, дзѣло, дзиця, цѣло, даèць (dajec') даетъ вм. даеть; даюць даютъ вм. лають; глядзиць, глядитъ вм. глядить, глядзя́ць глядятъ вм. глядять. Если третье лице единственнаго числа настоящаго времени кончится на *ець* (*етъ* вм. *отъ*), то буква *ць* нерѣдко отбрасывается, напр. даè, нясè, пише. У Кривичей *ць*, отбрасывается даже въ окончаніи *иць*, напр. клыча (клочитъ) маю буйную галованьку. Ци ня сỳдзя (судить) Богъ инцы тутъ маму бацюшки. Какъ стỳпя (ступитъ) у слядокъ, слядокъ правалицца. Это находимъ также у Вятичей, напр. *любя* любитъ, *видя* видитъ 6) Буква *л* стоя на концѣ слога (иногда, разумѣется, послѣ *л* въ томъ же слогѣ стоитъ еще какая либо согласная) произносится какъ *у*, Англ. w. напр. дау (далъ), брау (бралъ), воукъ (волкъ), стоубъ, таусты́й (толстый), хадзиу (ходилъ). 7) Предлоги *въ, вз, вс*, въ Бѣлорусскомъ нарѣчіи звучатъ *у, уз, ус*, напр. у городзѣ, устау (всталъ), усходзиць (всходитъ). *Увесь, уся́, усè* весь, весь, вся, всё. 8) Буквы *г, к*,* передъ *ѣ* въ падежныхъ окончаніяхъ, измѣняются въ *з, с*, напр. на дорозѣ, у руцѣ.* У Кривичей это не соблюдается, ибо Кривичи въ тѣхъ случаяхъ вмѣсто *ѣ* ставятъ *ы*, напр. маму бацю*шкы*, ходзиць въ та*скы* ва кручинушкы. Карися и тàтухны и мàмухны. Гусь плаваиць па вады.

* при сосѣ, у горосѣ.

Въ Польскомъ языкѣ именительный падежъ множ. числа именъ муж. рода, оканчивается на: *i, y, e*, напр. chłopi, chłopy, żydzi, żydy, zające, woły, konie. Въ Русскомъ на

и, ы (иногда *а, я*), напр. кони, люди, столы, орлы. Дряговичи вмѣсто *и, ы*, выговариваютъ *е, э* (похожее на Франц. *é*), напр. купце́, зайце́, воло́, орлэ.

Кривичи населяютъ не только часть Бѣлоруссіи, но также почти всю Псковскую губернію, часть С. Петербургской (напр. уѣзды: Гдовскій, Лужскій), часть Тверской и Смоленскую губернію. Въ Кривицкомъ говорѣ, кромѣ такъ называемаго *дзяканья* и *цяканья*, находится *цоканье*, напр. цаво́, цылавѣкъ, чего въ Бѣлорусскомъ никогда не бываетъ, исключая, разумѣется, мѣстности, населенныя Кривичами, т. е. уѣзды: Себежскій, Невельскій, Городецкій, Велижскій, Витебской губерніи. Сверхъ того, буквы *ш, ж*, иногда произносятся *с, з*, напр. харасо́, нисура́зъ (несуражъ, некрасивъ). Въ лексическомъ отношеніи, Кривичи принадлежатъ къ Великорусскому языку, но въ отношеніи фонетическомъ изо всѣхъ Русскихъ говоровъ говоръ Кривицкій наиболѣе измѣнился. Это сильное измѣненіе въ Кривицкомъ говорѣ, произошло вѣроятно отъ смѣшенія Славянъ съ Чудью, на верховьяхъ Западной Двины, Днѣпра и Волги. Теперь понятно становится, почему Кривичи (у Латышей: Крѣви, Криви) получили такое прозваніе. *Кривымъ* называютъ вообще все, что уклоняется отъ обыкновеннаго, нормальнаго состоянія. Напр. кто смотритъ однимъ глазомъ, а не двумя глазами, какъ обыкновенно смотрятъ люди, того называютъ *кривымъ*; кто ходитъ не такъ, какъ обыкновенно ходятъ люди, но ковыляетъ, храмлетъ, того также называютъ (по крайней мѣрѣ въ югозападной Руси) *кривымъ*. Слѣдовательно, тотъ народъ Славянскій, коего рѣчь такъ сильно измѣнилась, и который отъ смѣшенія съ Чудью (и съ Латышами) могъ казаться соплеменникамъ не настоящимъ Славянскимъ народомъ, получилъ отъ соплеменниковъ прозваніе: *Криви*, Кривичи.

и, и (иногда е, а), напр. коне, лови, столь, орал. Другое [illegible] [illegible] ѣ, и, [illegible] [illegible], потомъ же на Франц[illegible] ѣ, напр. [illegible] [illegible] [illegible], одна.

Кривичи населяютъ не только часть Бѣлоруссіи, но также почти всю Псковскую губернію, часть С.-Петербургской (напр. уѣзды Гдовскій, Лужскій), часть Тверской и Смоленской губерніи. Въ Кривичскомъ говорѣ, кромѣ тѣхъ же [illegible] [illegible] и [illegible], находятся болѣе, напримѣръ [illegible], нежели въ Бѣлорусскомъ никогда не бываетъ [illegible] положеніи, раздѣляется, въ частности, на нарѣчіе Кривичей, т. е. уѣзды Себежскій, Невельскій, Городокскій, Велижскій и Витебской губерніи. Сверхъ того, звукъ [illegible], иногда (пре[illegible] [illegible], напр. [illegible], [illegible] [illegible]). Въ [illegible] отношеніи, Кривичи принадлежатъ къ Великорусскимъ [illegible], но въ отношеніи фонетическомъ, изо всѣхъ Русскихъ говоровъ, говоръ Кривичей наиболѣе [illegible]. Это сильно [illegible] въ Кривичскомъ говорѣ, [illegible] вѣроятно отъ смѣшенія Славянъ съ Чудью, [illegible] [illegible] Латышей, [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible], потому Кривичи, [illegible] Кривы, Криве) получили такое прозваніе. [illegible] [illegible], что уклоняется отъ обыкновеннаго, нормальнаго состоянія. Напр. кто смотритъ [illegible] глазомъ, а не двумя глазами, какъ обыкновенно смотрятъ люди, того называютъ кривымъ; кто ходитъ не такъ, какъ обыкновенно ходятъ люди, но [illegible], того также называютъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Ру(и) [illegible]. Слѣдовательно, хотя народъ Славянскій, но по рѣчи своей сильно измѣнившійся и который отъ смѣшенія съ Чудью (и съ Латышами), могъ казаться сосѣдямъ не настоящимъ Славянскимъ народомъ, получилъ отъ современниковъ прозваніе Кривы, Кривичи.